

прощайте, еретики, и добро пожаловать, варвары

«Нашествие варваров» Дени Аркана показали в Каннах

АНТОН ДОЛИН

Первый взлет популярности самого известного режиссера из Квебека Дени Аркана пришелся на 1986 год, когда в Каннах был представлен его «Закат американской империи», получивший специальный приз критики. Семнадцать лет спустя Аркан вернулся сюда с продолжением той же истории — фильмом «Нашествие варваров». Картина была встречена овацией.

На приближающемся к финалу Каннском фестивале царят эсхатологические настроения — многие режиссеры вдруг решили задуматься о конце света. Канадца Дени Аркана уже не первый год интересует более локальный вопрос: закат современной цивилизации, базис которой — имперское мышление. С окраин континента ироничный режиссер наблюдает за распадом системы, а затем фиксирует его в своих фильмах. За «Закатом американской империи» последовали «Иисус из Монреалья», «Любовь и бренные останки» и, наконец, «Звездная болезнь». В «Нашествии варваров» Аркан возвращается к истокам, французскому языку и героям из «Заката американской империи». Только тогда они вели на фоне крушения империи циничные беседы о сексе, а теперь постарели, стали сентиментальнее и перешли к новой теме: умиранию. Сочетание двух компонентов — непре-

менное свидетельство декаданса, которому посвящена дилогия Аркана.

Социальная картина, нарисованная режиссером, носит глобальный характер, хотя вроде бы посвящена конкретным квебекским проблемам: продажности полиции и профсоюзов, чисто условной заботе государства о больных, переполняющих коридоры госпиталей. В США главные герои выбирают лишь одиножды, чтобы решить больше туда не ездить. И все равно этот антиглобалистский фильм — о том, как исчезает империя. Она умирает вместе с центральным персонажем, стареющим университетским ловеласом Реми, которому наносит визит его давние друзья и любовницы, знакомые зрителю по «Закату американской империи». Убийственного скепсиса того фильма в «Нашествии варваров» нет, хотя зал в Каннах постоянно хохотал в ответ на язвительные диалоги. Одно дело — смеяться над погрязающими в разврате эпикурейцами, другое дело — мягко иронизировать над ними же в момент падения Рима, когда бывшие распутники отважно вскрывают себе вены в ваннах с теплой водой. Или когда пожилой канадский профессор, окруженный близкими, принимает смертельную дозу героина, чтобы до последнего мига жизни не расставаться с рассудком и не капитулировать перед болезнью. Аркан ставит социальный диагноз: время гедонистов прошло. Рассуждения об экзистенциализме и деконструктивизме, насмешки над рели-

гией и изучение кулинарии, восхищение «Архипелагом ГУЛАГ» и осуждение культурной революции, радость жизни, секса, хорошего вина, интересной книги остались в имперских временах.

Близятся варвары, молодые и прекрасные. Главного из них играет дебютант в кино — популярный в Канаде тридцатилетний комик, художник и музыкант Стефан Руссо. Его персонаж — полная противоположность отцу, разговорчивому интеллектуалу: прагматик, предпочитающий литературе компьютерные игры. Диалог поколений — тот фильтр, сквозь который просачивается социальная критика, а в чистом остатке оказываются совсем несвойственные «Закату американской империи» эмоции, трогательные, но отнюдь не пошлые благодаря неунывающему характеру умирающего профессора. Сыгравший его Реми Жирар, как и Стефан Руссо, на сегодняшний день вполне реально может претендовать на каннский приз за лучшую мужскую роль. Впрочем, еще более справедливой была бы награда за великолепно взвешенный, остроумный и печальный сценарий, сюжет которого достоин выдающегося романа.

Дени Аркан, как и его герои, принадлежит прошлому — о чем вполне откровенно говорит в своем фильме. Надежда лишь на то, что сегодняшние зрители окажутся не настолько варварами, чтобы не оценить этот фильм.

Герои Дени Аркана постарели: в фильме «Нашествие варваров» они говорят уже не о сексе, а о смерти

